

Короли начинают и проигрывают

К шекспировским историям для взрослых, но наивных людей человечество обращается и в роковые-переломные, и вроде в спокойные моменты своей жизни. Но почему-то эти сказки так и не способны научить отцов быть строгими к своим скромно одаренным дочерям (посмотрите на вручение премии «Золотой орел» за лучшую женскую роль дочке кино короля Михалкова), а готовящихся к уходу из власти первым лицам государства – менее напористыми в продвижении своих преемников (посмотрите на количество телесъемок молодого российского вице-преьера от местной глубинки до всемирного Давоса).

Король не столько был стар, сколько ему нравилось казаться непрезентабельным. Ему, в прошлом красавцу, нравилось бравировать неопрятным седым венчиком волос вокруг лысины, забавным казалось поигрывать очками в явно немодной оправе, приятно было ощущать на теле мягкость грубо связанного и уже вылинявшего до болотной серости свитера.

Кому-то кажется, что король и шут – это и есть та самая эффектная, классическая «шахматная» коллизия большого и маленького, короля и пешки. Редко кому приходит в голову, что короли имеют странную привычку примерять на себя вериги пешек, дабы убедиться в том, что и в оных веригах они – короли, без которых ни трава не растет, ни солнце не светит. Шекспировский король Лир, по всей видимости, оказался первым, чей опыт внятно показал не только трагичность, но и предельную инфантильность такого убеждения «главной шахматной фигуры». Солнце – светит, да так, что все вокруг горит под его жадными лучами; трава – растет, да еще с такой интенсивностью, что ее покров погребает под собой растрескавшуюся, веками возделываемую, а сейчас затоптанную землю. Своего рода «комплекс Ивана Грозного», между прочим, современника Шекспира, – пригрозить своим уходом, испугать, заставить умолять остаться, а потом радостно прибежать в недавно оставленные покои и объявить список претендентов на отсечение недостаточно низко клонившихся голов.

И невдомек такому королю в его шахматной партии, что сила ненависти пешек, принужденных медленно преодолевать массу препятствий на пути к противоположному краю поля, где лишь одну из них ждет превращение в более значимую фигуру, – это и есть единственный ответ на их королевские игры. Нет той пешки, которая знавала бы, что без короля она – ничто. А значит, нет того короля, который вышел бы победителем из игры с пешками «на равных».

В общем-то, именно такую, сугубо театральную ситуацию представило наше «культурное» телевидение субботним вечером. Не думают же уважаемые читатели, что мои вышеописанные соображения касаются жизни «вообще» – политики, нравственности.

Я говорила только о театре. А именно – о том, что вечный, казался бы, красавец театра и кино, Михаил Козаков, который до середины 70-х годов прошлого века, уже начав лысеть, в любой роли предстал перед публикой в париках с нарядными челками, сначала на сцене перестал стесняться естественной убыли шевелюры (и сыграл своего томно-циничного Дон Жуана и безумно-суетливого Кочкарева), а потом попробовал сыграть в быту роль Лира, бросающего свое убогое «королевство» и отбывающего в «землю обетованную» (из постперестроечной России в прифронтовой Израиль).

Блестящий чтец, изысканный интерпретатор классической поэзии Козаков-Лир заикается, и этот его дефект воспринимается тоже как своего рода игра – игра в простого старика, лишнего величия и эффектности. Модник и эстет, Козаков-Лир в сцене сумасшествия появляется в рубашке, с неприменным венчиком из разнотравья на голове и с обнаженными, да еще измазанными гримом, старчески суховатыми,

немускулистыми ногами. Именно такой его вид дал основания после собственно театральной премьеры кому-то из лихих интернетовских критиков написать о безумном непрезентабельном старике. Да, старик. Да, непрезентабелен. Да, безумен (по сюжету и по историческим представлениям) и иррационален (с точки зрения по-чиновничьи одинаковых, деловито-равнодушных мужчин – придворных, зятьев, врагов). Но – настолько отчетливо, единственный, похож на короля, что финальная игра режиссера театра им. Моссовета П. Хомского с красным шутовским колпаком, на время осеняющим его голову, оказывается совершенно неуместной в своей художественной наивности и образной прямолинейности.

Но... что были бы короли без пешек? Без фона и без шепота вслед? Без попыток свержения и опытов подражания? Наконец, без их обожания, которое составляет атмосферу свиты, даже когда «королей» уже нет?

Не хочу сказать, что Николай Фоменко и Михаил Боярский – пешки в художественной жизни, но в телевизионной версии концерта, посвященного вручению премии «Своя колея», они все же были в свите – у Владимира Высоцкого. В честь очередного его дня рождения пелись его песни, и если Фоменко и Боярский выглядели самими собою, поющими песни «короля» и кумира их поколения, то неэмоциональный и томный Певцов, как и дергающийся и рычащий Куценко, оправдывали роль пешек, чья роль ограничивалась присутствием в свите короля. Король-то пел о своих страстях и нелепостях своей жизни; но у них – другая жизнь, о которой они, теряя и в эмоциях, и в мастерстве, – поют слова не просто «поэта-песенника». И вот уже проигрывают оба – и наивная «пешка», и умерший «король».

Тем временем королевские титулы присваиваются каждому второму, а иногда и первому персонажу телеэфира. Уже есть у нас «королева гламура» Ксюша Собчак, обучающая девочек в своих экскурсиях по бутикам выпрашивать у поклонников и собственной мамы подарки подороже. Есть у нас «король розыгрышей» Валдис Пельш, который неуклюже подпрыгивает на сцене, когда якобы ток бьет сидящих в креслах его гостей – «королей» и «королев» шоу-бизнеса, кино, театра. А после пятничного Пельша чертиком из коробочки выскакивает субботний Нагиев – «король спорщиков», и сидят у него в программе съездившаяся от неловкости «королева детектива», хорошая актриса Яковлева, и делающая вид, что все у нее нормально, «песенная королева» прошлых лет Сенчина.

Короли начинают жизнь неправильно: их рано возводят на трон, они пытаются соответствовать своей уникальной роли, даже пользу приносить или, по крайней мере, выглядеть по-королевски. И заканчивают жизнь – тоже неверно: раздав владения, в уверенности, что от перемены статуса смысл отношения к ним не переменится, сходя с ума от постижения своих ошибок. Раздражение пешек есть лишь естественное отражение королевского существования. Разве что проигрыш пешки заметен меньше – не одна, так другая, одна проиграла, другая выиграла. А проигрыш королей виден всем, и многих если не радуется, то обнадеживает.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения